

Михаил Окунь

Дикое поле

Михаил Окунь

Дикое поле

«Институт соитологии (ИС)»

2016

Окунь М.

Дикое поле / М. Окунь — «Институт соитологии (ИС)», 2016

ISBN 978-5-04-002428-5

Страшная болезнь – деменция – внезапно настигает мать героя рассказа, благополучно живущего в Канаде. И ему, скрепя сердце, приходится отправляться на родину, в Россию, где он не был больше двадцати лет.

ISBN 978-5-04-002428-5

© Окунь М., 2016
© Институт соитологии (ИС), 2016

Михаил Окунь

Дикое поле

Рассказ

В начале девяностых годов Сперанский эмигрировал в Канаду. Женился на русской, родилось двое сыновей. Со своим инженерным дипломом (впрочем, на «новой родине» не признанным) нашел непыльную работенку в небольшой фирме – установка водяных фильтров на дому, замена в них картриджей. Так и тянулась жизнь ни шатко, ни валко. А каких-либо особых амбиций Сперанский никогда не имел.

Но однажды, вскоре после новогодних праздников, в его квартире раздался резкий телефонный звонок. Звонила двоюродная сестра Сперанского из Петербурга:

– Ты должен срочно приехать! Видишь ли, как бы это сказать... В общем, твоя мама сошла с ума!

Сперанский остолбенел.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что всё началось с каких-то песнопений, которые мать постоянно слышала, хотя ближайшая церковь находилась в нескольких кварталах от дома. Потом она стала подолгу стоять на кухне у вентиляционной отдушины, внимательно ловя некие важные сообщения «по федеральной связи».

Затем пошли небывалые истории о каком-то жильце с восьмого этажа, матерные песни которого она вынуждена слушать круглые сутки. Этот страшный жирный парень целыми днями валяется голый в своей квартире, среди шкур и перьев убитых им и пожираемых сырыми животными и птиц, вымазанный в их крови и собственном дерьме. А для удовлетворения похоти к нему приходят две ужасные женщины, старые уличные потаскухи.

Дальше в ее рассказах, как некое противостояние мерзости и разврату, возник священник, который пообещал, что от церкви по его распоряжению ей подарят новый телевизор, холодильник, стиральную машину, заменят газовую плиту. Позже сделают ремонт квартиры, а затем и вовсе переселят в большую квартиру в центре, «подобающую ее статусу». Священник, назвавшийся Николаем Васильевичем, также предложил матери руку и сердце и пригласил в свадебное путешествие в Париж.

– Я сначала даже подумала, что работают черные риэлторы, – добавила сестра, – но потом всё поняла...

Кончилось тем, что три дня назад под утро мама ушла «на голоса», назначившие ей встречу, из дому, в одном халате, оставив квартиру открытой. Ее увидели соседи стоящей у мусорного контейнера неподалеку от дома и с трудом вернули домой. Затем она заперлась в квартире и двое суток не подавала признаков жизни. Пришлось взламывать двери.

– В общем, срочно вылетай! Сейчас она одна в квартире, и неизвестно, что ей опять придет в голову.

Сперанский понял, что именно в эту минуту привычный уклад жизни обрушился, как ветхий барак в российской глубинке. Надо ехать, что-то предпринимать...

– Как ты обо всем узнала?... – безнадежно спросил он.

– Сначала из разговоров с нею по телефону стало ясно – что-то не то творится... А потом, когда ушла из дому, соседи позвонили. Я к вам домой ездила, когда квартиру пришлось вскрывать. А мне из Колпино – сам понимаешь, не ближний свет. Да и под семьдесят уже, если помнишь...

Последние фразы Сперанский постарался пропустить мимо ушей.

– А что врачи? «Скорая» была?

– Даже две – обычная и психиатрическая.

– И что?

– Ну что... После ее ночного выхода в первый раз вызывали. Укололи снотворное. Может, потому и не реагировала ни на что два дня. А позже психиатры с другой скорой сказали: зачем мы ее будем брать? Старушка восьмидесяти пяти лет, для окружающих неопасна. Мол, у нас двадцатилетние психи с ножами бегают. Хотя, как сказать, – неопасна... Вон, весь подъезд засуетился – может газ включить, взрыв устроить. В общем, надо тебе ехать!

– И всё-таки, отчего это, какой диагноз?

– Сказали – сенильная деменция, сопровождаемая психозом.

– Сенильная деменция?

– Старческое слабоумие. Обратного ходу, говорят, нет. Но жить можно.

– Но почему именно с нею? У нее всегда был такой трезвый, ясный ум, без иллюзий...

– В последнее время усилился склероз сосудов мозга. К тому же – одиночество...

– Я вылечу ближайшим рейсом. Только на работе договорюсь.

– Ключ от новых замков возьмешь у соседки снизу. Я ей пару тысяч дала, чтобы пока хоть немного приглядывала.

«Боинг» приземлился в Пулково-2. Ранние январские сумерки уже упаковали окрестности. Со своим небольшим чемоданом Сперанский решил добираться до дому не на такси, а «демократическим» путем: автобус – метро – автобус. Почему – и сам себе не мог объяснить. С удивлением узнал, что от аэропорта до метро «Московская» по-прежнему ходит всё тот же тринадцатый номер.

Не без трепета вошел он в этот роковой номер. Автобус был древним, еще львовского автозавода. Когда он тронулся с места, что-то в двигателе начало с готовностью завывать.

Сидячего места Сперанскому не нашлось – остановка у аэропорта не была конечной, автобус шел из авиагородка, находящегося дальше.

Он жадно вглядывался в пассажиров. О, эти тётки в столбообразных шубах и меховых тиарах! – они, похоже, на родине вообще вне времени.

Немало было среднеазиатских парней – то ли таджиков, то ли узбеков, одетых в одинаковые темные куртки и черные вязаные шапочки.

Он вспомнил, как один его знакомый, тоже бывший ленинградец, возил юную племянницу показывать родной город, в котором она ни разу не была. Первым же вечером она с недоумением спросила: «Откуда здесь столько мексиканцев?!»

Местности Сперанский не узнавал. Вся она была заставлена ярко сияющими стеклянными трехэтажными «бараками» со стандартным содержимым: первый этаж – автомойка, второй – офис какой-нибудь фирмы с забубённым названием, третий – совершенно пустой, светящий цветными плафонами «элитарный» ресторан.

Выйдя из автобуса, Сперанский вошел в метро. Оно показалось ему неказистым и потертым. Первоначальный блеск «подземных дворцов» заметно потускнел. Детство Сперанский провел в центре Ленинграда, в районе станции метро «Владимирская», с ее мощным мозаичным панно, изображающим единение народов СССР. А на стеклянные колонны станции «Автово» они с одноклассниками даже специально ездили смотреть, как на чудо.

Выйдя из метро и ожидая автобуса на Охту у Финляндского вокзала, Сперанский заметил прямо у остановки вход в заведение с гордым названием «Рюмочная № 1». Немного поколебавшись, он зашел и заказал сто граммов водки. Первая стопка на родине. С возвращением!

С трепетом повернул он ключ в замке и вошел в квартиру. Свет был выключен. В слабом свете уличного фонаря он разглядел маму. Она, понурившись, сидела на кровати.

Включил свет. Мать недоменно и тревожно взглянула на него. Вздернутые брови, чужой взгляд...

– Здравствуй, мама! Узнаёшь?
Она неуверенно кивнула.

В квартире царил беспорядок. Фотографии в рамках были сняты со стен и валялись на полу. Некоторые снимки были вынуты из рамок и порваны в клочки. Кроме фото, по всей квартире были разбросаны старые документы. Как и одежда, вывернутая из шкафов. Посреди большой комнаты мертвым зверем валялась черная каракулевая шуба. С трудом Сперанский навел хоть какой-то порядок.

В последующие дни он понял, как трудно постоянно находиться вместе с человеком, пусть и родным, который, мягко говоря, не в себе. Мать практически не разговаривала с ним, ни о чем не расспрашивала, ничем не интересовалась. Она жила какой-то своей, отдельной жизнью. Допоздна бродила по квартире. Иногда останавливалась у входной двери и кричала неким незримым врагам: «Только попробуйте сунуться, у меня топор!» И действительно, Сперанский обнаружил припасенный в прихожей кухонный топорик для рубки мяса.

Он попробовал показать ей привезенные видеозаписи последнего семейного новогоднего праздника. Она равнодушно посмотрела с полминуты и попросила выключить плеер.

На все уговоры и увещевания Сперанского мать не обращала внимания. Смотрела на него прозрачным непонимающим взглядом и молчала. Она почти ничего не ела, не мылась, не чистила зубы.

Так прошло два дня. А на третий Сперанский, придя в полное отчаяние, запил, как не запивал уже много лет, с отъезда из России.

Дни и ночи слепились для него в один ком. Он пил водку, запивал ее шампанским, доползал до дивана. Спал. Потом вставал и шел за новой дозой.

Затаривался Сперанский в маленьком магазинчике прямо напротив подъезда, оборудованном в будке из бетонных плит, бывшей когда-то частью местной помойки. У населения он носил название «Мусорный бачок». Спиртное там, несмотря на запрет продажи с одиннадцати вечера, можно было, не таясь, купить круглосуточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.